

И.Н. СЕЛИВАНОВ

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ БИОГРАФ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ

В российской историографии насчитывается несколько десятков публикаций, которые в той или иной степени отражают историю изучения в нашей стране жизни, политических воззрений и различных сторон деятельности Шарля де Голля¹. По разным причинам в них не нашла отражения самая первая по времени написания биография французского лидера. Ее автором являлся человек, о котором и сегодня нам известно не очень много.

Идея написания политической биографии Ш. де Голля возникла у советской стороны в период подготовки к его поездке в Советский Союз летом 1966 г. Для ознакомления руководства СССР с личностью и взглядами гостя, для которого это был уже второй визит в Страну Советов, в сокращенном варианте в издательстве “Прогресс” были выпущены его “Военные мемуары”, но этого советским руководителям показалось мало. Хотелось иметь о легендарном французе больше объективной информации, чем можно было узнать о нем в центральных газетах и в публицистической литературе, в основном повторяя официальные оценки давних его политических оппонентов – французских коммунистов.

Такое поручение было дано нескольким организациям, где имелись специалисты, способные обобщить имевшиеся на тот момент материалы о действующем президенте Французской Республики и выполнить исследования соответствующего уровня. В результате в течение нескольких лет отечественная историография пополнилась тремя работами, две из которых получили широкую известность, а одна, самая первая по времени написания, на долгие годы оказалась закрытой не только для массового читателя, но и для большинства историков.

Поручение написать политическую биографию де Голля получил и Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО), который с мая 1966 г. возглавил известный ученый-международник Н.Н. Иноземцев. Он остановил выбор на одном из внештатных сотрудников своего учреждения из числа бывших сотрудников советской военной разведки. Тем более что потенциальный биограф, несмотря на солидный возраст, хотел написать кандидатскую диссертацию по истории.

Подлинная биография этого человека в то время была засекречена. Его коллеги по ИМЭМО, конечно, в общих чертах знали, где тот работал ранее, что он член Союза журналистов, лектор-международник с ярко выраженной убежденностью в правоте коммунистических идеалов, чего в то время не хватало, по мнению партийных идеологов, многим сотрудникам этого НИИ, позднее причисленным к поколению “шестидесятников”².

Селиванов Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета.

¹ См.: *Novikov G. Recherches sur le general de Gaulle et le gaullisme en URSS.* – Espoir, 1980, № 30; *Смирнов В.П.* Историки и политика: де Голль глазами советских историков. – *Историческая наука в меняющемся мире*, вып. 1. Казань, 1993; *Арзаканян М.Ц.* Де Голль в советской историографии. – *Россия и Франция XVIII–XX вв.*, вып. 2. М., 1998; *ее же.* Де Голль. М., 2007; *ее же.* Великий де Голль. М., 2012, и др.

² Содержательную книгу об истории этого научно-исследовательского института опубликовал П.П. Черкасов, учившийся там в аспирантуре, а затем проработавший значительный период

Яков Григорьевич Бронин (урожденный Янкель Гиршевич Лихтенштейн, другое написание фамилии – Лихтешаль) появился на свет в 1900 г. недалеко от Риги в семье потомственного раввина. Сейчас трудно сказать, как бы сложилась его жизнь, если бы не революция и не переезд в Кременчуг, где Яков в 1918 г. экстерном закончил гимназию и начал участвовать в революционной деятельности большевиков. В 1920 г. он вступил в ряды РКП(б), одно время даже симпатизировал “рабочей оппозиции”. С 1922 г. занимал различные должности в политических органах Красной Армии.

О незаурядных литературных и публицистических способностях молодого работника наглядно говорит тот факт, что во второй половине 1920-х годов в издательстве “Молодая гвардия” несколькими изданиями был опубликован его учебник для комсомольских школ и самообразования “Политграмота комсомольца”, а издательством “Московский рабочий” (в серии “Спутник агитатора”) выпущена брошюра с характерным для тех времен названием – “О пролетарской революции и опасностях перерождения”.

С 1928 г. Бронин учился в Институте Красной профессуры (ИКП)³, где его заметил земляк, основатель и руководитель советской военной разведки Я.К. Берзин, подбиравший в этом учебном заведении новые кадры для своей спецслужбы. Вербовка фанатично преданного делу партии политработника прошла успешно, и по окончании ИКП в 1930 г. Бронин стал работать в структурах военной разведки Красной Армии. В том же году Бронина отправили на нелегальную работу в Германию, где работал под псевдонимами “доктор Бош” и “Вальден” и проявил себя с самой лучшей стороны.

После прихода в Германии к власти фашистов, молодого разведчика перевели в Китай. Яков заменил в Шанхае в должности резидента советской военной разведки знаменитого Рихарда Зорге⁴. Туда же в качестве радистки приехала завербованная советской военной разведкой молодая француженка Рене Марсо, и через какое-то время они пожились. Супруга, которая была моложе мужа на 13 лет, взяла новое имя, а также отчество и фамилию – Элли Ивановна Бронина.

После двух лет работы в Шанхае советский резидент Бронин, проходивший в документах военной разведки РККА под псевдонимом “Абрам”, был арестован гоминьдановскими властями и приговорен за шпионаж к 15 годам лишения свободы⁵. Просидевший в заключении около двух лет Яков Григорьевич в октябре 1937 г. был обменян на задержанного органами НКВД СССР в Свердловске старшего сына китайского руководителя Чан Кайши – Цзян Цзинго, проживавшего в Советском Союзе с русской женой и малолетним сыном⁶. Возвратившись в Москву, Бронин в 1938 г. работал в центральном аппарате советской военной разведки и, по некоторым данным,

времени в должности научного сотрудника. – *Черкассов П.П.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М., 2004.

³ Таким образом, зная реалии того времени, можно предположить, что Бронин был не рядовым военным политработником, а достаточно способным, лояльным властям, перспективным молодым партийно-комсомольским функционером. Личное дело слушателя ИКП Я.Г. Бронина ныне хранится в Государственном архиве Российской Федерации. – ГАРФ, ф. Р-5216, оп. 2, д. 681, л. 1–30.

⁴ В 1964 г. Я.Г. Бронин под псевдонимом “Я. Горев” написал о нем серию очерков в “Комсомольской правде” (номера за 8, 9, 10, 25, 27 октября и 1 ноября 1964 г.), которые затем издали отдельной книгой тиражом 240 тыс. экз. под названием “Я знал Зорге”.

⁵ Супруге Бронина удалось возвратиться из Китая в Москву, откуда она была отправлена по линии разведки в Испанию. Французскому историку Т. Вольтону в конце 1990-х годов удалось скопировать в архиве ЦРУ китайское следственное дело Я.Г. Бронина, которое он передал для ознакомления его родственникам.

⁶ Об этом факте долгое время не сообщалось. По официальной версии, Цзян Цзинго после того, как в 1936 г. написал письмо Сталину с просьбой вернуть его на родину, был уволен с работы и исключен из кандидатов в члены ВКП(б). Через полгода Сталин “удовлетворил” ходатайство своего нового союзника, и старший сын Чан Кайши с семьей были отправлены в Китай (см. *Галенович Ю.М.* Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. М., 2000, с. 312–313).

занимался подготовкой разведчиков-нелегалов для работы за рубежом. В 1939 г. на короткое время он был задержан НКВД, но вскоре освобожден и в 1940 г. назначен старшим преподавателем по агентурной разведке в Высшей специальной школе Генерального штаба РККА⁷.

В период Великой Отечественной войны и после ее окончания Бронин находился на преподавательской работе (заведовал кафедрой иностранных языков) в Военной Академии механизации и моторизации им. И.В. Сталина Генштаба Красной Армии, располагавшейся в Ташкенте и Москве, сотрудничал с Еврейским антифашистским комитетом (ЕАК).

На новом для себя поприще Яков Григорьевич по-прежнему занимался научно-просветительской деятельностью. В 1948 г. в “Воениздат” вышла его книга “Бронетанковые и механизированные войска Советской Армии”, написанная в соавторстве с кандидатом военных наук А.В. Ярославцевым.

В сентябре 1949 г. Бронин был арестован. В ходе предварительного следствия своей вины он не признал и в 1950 г. он был осужден Особым совещанием при МГБ СССР на 10 лет заключения. Отбывал срок в Сиблаге (Камышлаг) на территории Томской области⁸. По собственным воспоминаниям, он подвергался издевательствам со стороны уголовников, выбившим ему все зубы и сломавшим два ребра. Тем не менее Яков Григорьевич был уверен (и считал так до конца жизни), что попал в ГУЛАГ “случайно” в отличие от многих других своих сокамерников, оказавшихся там по обоснованным обвинениям. Супруга же Бронина в это время была уволена из престижной московской клиники и несколько лет жила на случайные заработки, испытывая большие лишения.

Через пять лет Якова Григорьевича освободили, полностью реабилитировали, восстановили в звании полковника, назначили военную пенсию и вернули государственные награды. Затем он был принят (наверняка с учетом хорошей языковой подготовки⁹ и профессиональных аналитических способностей) внештатным научным сотрудником в ИМЭМО АН СССР. Такое трудоустройство не было в те времена чем-то необычным. Так, в первой половине 1960-х годов, после отбытия 20-летнего тюремного заключения в Мексике, взяли на научную работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС убийцу Л.Д. Троцкого Рамона Меркадера (Рамон Иванович Лопес). Другой коллега Бронина, С.Л. Будкевич, в годы войны работавший в разведке на “японском направлении”, в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию и затем трудился в Институте востоковедения (народов Азии) АН СССР. В 1969 г. он также издал книгу о Зорге (“Дело Зорге”), связным которого был, работая под прикрытием в советском посольстве в Токио. В 1960 г. вместе с другим бывшим разведчиком, З.В. Литвиным, ставшим штатным сотрудником ИМЭМО, Бронин опубликовал статью о роли разведорганов в политической системе США¹⁰.

Вот такой человек, до этого никогда не писавший работ по истории Франции, но женатый на француженке, и был “назначен” первым советским биографом

⁷ С 1940 г. перестала работать в разведке и Элли Ивановна, награжденная за работу в Испании орденом Ленина. Она стала ученым-медиком, позднее успешно защитила кандидатскую диссертацию, работала в одной из московских клиник.

⁸ В виртуальном музее ГУЛАГа имеется личная карточка Я.Г. Бронина. – <http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=494733&language=1>.

⁹ Я.Г. Бронин владел пятью иностранными языками, его супруга – четырьмя, что ей помогало в трудные времена зарабатывать на жизнь переводами.

¹⁰ Бронин Я., Литвин З. О роли разведки в политическом механизме американского империализма. – Мировая экономика и международные отношения, 1960, № 9. К слову сказать, З.В. Литвин был на восемь лет моложе Бронина, с 1934 г. работал помощником резидента советской военной разведки (т.е. Я.Г. Бронина) в Китае. В запас уволился в чине полковника в 1953 г. и через три года был принят на работу в ИМЭМО. С 1960 г. работал заместителем главного редактора Спецбюллетеня ИМЭМО, в 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике, с 1965 г. заведовал там аспирантурой, а с 1968 г. стал ученым секретарем Института (см. Черкасов П.П. Указ. соч., с. 318–319).

Ш. де Голля. В качестве научных руководителей Бронину выделили сразу двух сотрудников института: германиста д.и.н. Д.Е. Меламида (Мельникова) и франковеда к.и.н. Ю.И. Рубинского. Текст диссертации писался в помещении научной библиотеки ИМЭМО, и в начале 1968 г. на заседании Ученого Совета ИМЭМО состоялась ее защита. На работу о де Голле поставили гриф “для служебного пользования” (ДСП), после чего ее отправили в спецхран¹¹. Затем написанный Брониным текст был переработан, дополнен новыми материалами и решением Ученого совета ИМЭМО рекомендован к печати в специальном бюллетене института всё с тем же с грифом ДСП¹².

Такая ситуация в советское время часто возникала и не только в ИМЭМО, когда по каким-то причинам у руководства научных институтов гуманитарного профиля не было желания публично поднимать “неудобные” вопросы, но вышестоящее начальство хотело по ним иметь более или менее объективную информацию (или, по крайней мере, отличную от той, что давалась в открытой печати).

Бронин указал во введении к диссертации, что “необходим марксистско-ленинский анализ политической деятельности и концепций такой выдающейся личности, как Шарль де Голль”, но при этом нельзя забывать, что важен анализ деятельности его и ему подобных лидеров западного мира “с точки зрения *практикуемых ими методов и приемов борьбы против рабочего движения, против коммунистических партий*” (дисс., с. 6–7. Здесь и далее выделено Брониным).

Иначе говоря, в работе Бронина перед читателем де Голль должен был предстать в образе “умного врага”, а не потенциального союзника, искреннее симпатизировавшего советскому народу, как это могло показаться кое-кому из “наивных” партийных и государственных чиновников во время визита французского президента в “страну Советов” в 1966 г.

С середины 1960-х годов де Голля в СССР принято было публично хвалить, а в работе Бронина о нем было высказано много нелюбимых замечаний. Вполне возможно, руководство СССР не хотело, чтобы французская сторона, прочитав изданную массовым тиражом в каком-либо центральном советском издательстве книгу о первом президенте Пятой республики, сделала соответствующие выводы о “недружественности” Москвы в отношении человека, совсем недавно с большой помпой принимавшегося там на самом высоком уровне¹³.

Сегодня этот объемный труд Бронина уже не производит того впечатления, какое мог бы произвести на советского читателя, не избалованного обилием качественной научно-биографической литературы. Не выдержали проверки временем многие оценки политических воззрений и деятельности французского президента.

¹¹ Бронин Я.Г. Шарль де Голль. Политическая биография. Дисс. ... к.и.н. М., 1967 (далее – дисс.). Автореферат диссертации (3,5 п.л., 56 с.) был опубликован 25 декабря 1967 г. (далее – автореф.). К слову сказать, видимо, с учетом специфики процедуры защиты, на второй странице обложки автореферата не были указаны официальные оппоненты и ведущая организация, а в конце отсутствовал список работ, опубликованных соискателем по теме исследования в рамках его апробации. Для традиционной процедуры защиты и тогда, и сейчас это обязательные составляющие.

¹² Бронин Я.Г. Шарль де Голль как государственный деятель (опыт политической биографии). – Институт мировой экономики и международных отношений. Специальный бюллетень. М., 1970 (далее – Бюллетень. Подписан в печать 29 октября 1969 г., объем – 186 с., 11,5 п.л.). Специально для Бюллетеня был написан 2-й раздел главы 3 и заключение под названием “После ухода де Голля”.

Редактор подчеркнул, что главное внимание автор уделяет вопросам внешней политики, так как “внешняя политика де Голля представляет особый интерес для изучающих современные международные отношения” (там же, с. 1).

¹³ Нетрудно догадаться, что маленькие тиражи Бюллетеня – 110 экземпляров, а еще ранее – 150 экземпляров автореферата – разошлись по спецхранам крупных библиотек и по адресам из так называемого “специального списка”.

Тем не менее представляется справедливым, хотя и спустя несколько десятилетий, познакомить читателей с основными положениями этой, так и не дошедшей до широкой общественности политической биографии Ш. де Голля.

Первая глава диссертации Бронина охватывала ранний период жизни будущего французского президента¹⁴. В ней были охарактеризованы семья, школа, духовные наставники, а также начало и продолжение вплоть до Второй мировой войны военной карьеры де Голля.

При написании данного раздела, который в целом носил описательный характер, автор частично использовал вышедшие к тому времени на Западе, прежде всего во Франции, публикации Ж. Лякутюра, П.М. де ла Горса, Ж.-Р. Турну и др. Сопоставление и систематизация содержащихся в них фактов позволили составить довольно обстоятельную биографическую справку и воссоздать исторический фон, на котором формировались политические взгляды де Голля.

Так, Бронин описал генеалогию рода де Голлей, дал характеристику его родителям и особенностям их семейного воспитания. В качестве духовных авторитетов молодого де Голля были определены поэт Шарль Пегги (особенно “позднего” периода), писатель Морис Баррес и философ Анри Бергсон. Кроме того, автор задался вопросом: а был ли его герой в молодости “моррасовцем”¹⁵? Однако ответ на этот вопрос был дан отрицательный: “Нет данных для утверждения, что де Голль на каком-то этапе своей военной или политической деятельности был монархистом в плане активной политики”, а также он “никогда не был сторонником клерикализма” (автореф., с. 3).

Далее Бронин охарактеризовал военное образование Ш. де Голля и его участие в Первой мировой войне, плен и польскую кампанию. Этот раздел работы был не свободен от традиционных для того времени пассажей, как, например, “по социальной среде, в которой он вырос, по воспитанию, которое он получил в семье и вне семьи, де Голль в происходящей острой идеологической борьбе должен был оказаться в лагере реакции”, “в большую политику де Голль вступил со сложившимися консервативными взглядами, с ярко выраженным буржуазным национализмом” (автореф., с. 3, 18) и т.п.

Во второй главе диссертации автор подводил читателя к анализу военных и политических взглядов де Голля, а также интерпретации им причин поражения Франции в войне с фашистской Германией летом 1940 г. В первом параграфе он проанализировал вопрос о том, как в довоенных произведениях де Голля рассматривалась триада “нация – элита – вождь”, соотношение понятий “руководитель” и “толпа”, вопросы характера, престижа и авторитета лидера, роль военной силы в истории. Второй параграф был целиком посвящен анализу текста книги де Голля “За профессиональную армию”, его представлений о характере будущей войны, а также откликам в Германии и в Советском Союзе на эту работу. В одном из подпараграфов рассматривалась концепция “профессиональной армии” в свете опыта Второй мировой войны. В третьем параграфе второй главы затрагивались проблемы послевоенной интерпретации де Голлем причин поражения французской армии в 1940 г. на основе вышедших в 1954 г. его “Военных мемуаров” и других источников.

В результате проведенного анализа Бронин сделал два основных вывода:

1. Работы де Голля, вопреки мнению ряда западных авторов, не содержат цельной идеологической системы взглядов. У него речь идет об отдельных принципах, положениях, о “некоторых элементах” собственного мировоззрения.

2. Для де Голля характерным является ярко выраженный *прагматизм*. Общие вопросы рассматриваются им под углом зрения практики политической борьбы. Можно говорить об утилитарном подходе де Голля к этому вопросу.

¹⁴ Характерная особенность подачи материала в диссертации – разделение параграфов в главах на большое количество подпараграфов (пунктов) в 3–5 страниц, напечатанных через два интервала.

¹⁵ *Моррас Шарль* – французский литератор и публицист, крайний националист монархического толка, в начале XX в. провозглашал идеи превосходства “латинской расы”.

Рассматривая взгляды Ш. де Голля на государство, Бронин пришел к выводу, что деголлевская концепция государства представляет *существенный шаг назад* по сравнению с режимом буржуазной парламентской демократии, однако явно неправильно будет характеризовать ее термином “фашистская”. Режим личной власти, по мнению автора, означал *значительное ущемление норм буржуазной демократии, но не их отмену* (автореф., с. 12–13).

Это была весьма важная часть диссертации, поскольку в конце 1950-х–первой половине 1960-х годов по данной теме отечественными специалистами и зарубежными политологами высказывались самые разные точки зрения. Сегодня подобного рода вывод звучит весьма банально, но не следует забывать, что в тот период все обстояло намного сложнее и вывод Бронина о том, что ничего “фашистского” в процессе формирования де Голля как политика не было, являлся весьма значимым.

Как мы уже отмечали выше, позитивные оценки в отношении де Голля стали преобладать в средствах массовой информации СССР с середины 1960-х годов, когда де Голль пошел на сближение с Советским Союзом и осудил политику США в Индокитае. Именно в этот период Бронин начал работать по избранной диссертационной проблеме, и на его выводах не могли не сказаться конъюнктура “переходного периода” в оценках жизни и деятельности де Голля.

Духом “переходности” оценок проникнут общий вывод, сделанный автором на основании собственного анализа взглядов и деятельности французского президента: влияние на де Голля оказали два начала – *национализм* – стремление к утверждению и повышению мощи Франции в мировых делах, и *антикоммунизм* – стремление оградить Францию от угрозы чужеродного социализма, коммунизма. Эти две руководящие идеи, считал Бронин, своеобразно сочетались на протяжении всей политической деятельности де Голля. Если первая тенденция на определенных этапах развития приобретала *объективно-прогрессивное* значение, отражала национальные интересы Франции, то вторая всегда являлась *сугубо реакционным* фактором в политике де Голля (автореф., с. 17).

Третья глава работы охватывала весь период Второй мировой войны. В ней были освещены роль Ш. де Голля в движении Сопротивления, а также политика Англии и США в отношении Франции.

Бронин пришел к выводу, что отстаивая государственные интересы Франции и укрепляя тем самым свое политическое положение, де Голль в то же время прилагал лихорадочные усилия для подбора в создаваемый им аппарат Временного правительства надежных буржуазных кадров, как гражданских, так и военных, призванных своей деятельностью под руководством де Голля предотвратить *подлинно демократическое* развитие страны (автореф., с. 24–25).

Следующая глава была посвящена отношению де Голля к Советскому Союзу в период 1941–1945 гг. Автор пришел к выводу, что де Голль сумел правильно оценить значение вступления СССР в войну как поворотный момент в ходе мировых событий. Очень высокая оценка доблести и мощи советских вооруженных сил у его героя всегда сочеталась с весьма критической характеристикой военных усилий англичан и американцев. “Условно можно считать, – подчеркивал Бронин, – промежуток времени от вступления СССР в войну до осени 1943 г. периодом наибольшего *политико-дипломатического тяготения* де Голля к Советскому Союзу” (автореф., с. 26). Однако, по мнению автора, быть до конца последовательным в политике союза с СССР де Голлю мешал его антикоммунизм. Это же обстоятельство не позволило ему в своем отношении к движению Сопротивления подняться до уровня национальных интересов Франции (автореф., с. 35).

Пятая глава диссертации называлась “Де Голль, движение Сопротивления и период освобождения”. До Бронина советские авторы придерживались в интерпретации этих событий точки зрения французских коммунистов, приписывавших себе главные заслуги в организации сопротивления фашистам на территории Франции в 1940–

1944 г. При этом де Голль с их стороны подвергался нещадной критике и объявлялся чуть не пособником Гитлера.

Несомненной заслугой автора стало стремление более взвешенно подойти к анализу этого непростого вопроса, показав две основных концепции движения Сопротивления на территории Франции в рассматриваемый период, а также основные направления сотрудничества между ФКП и сторонниками де Голля. Особое место было отведено Парижскому восстанию августа 1944 г., боязни де Голля повторения “новой Коммуны” и его контактам с генералом Д. Эйзенхауэром накануне освобождения Парижа от немцев. Завершающий параграф этой главы был посвящен рассмотрению стратегии и тактики де Голля как главы Временного правительства Франции с упором на его антикоммунистические взгляды.

Довольно подробно были охарактеризованы деятельность де Голля в качестве главы Временного правительства, показан завершающий этап движения Сопротивления. Автор пришел к заключению, что вопрос о “коммунистической опасности”, выставивший из движения Сопротивления, занимал де Голля отнюдь не меньше, чем успех самого движения и обеспечения условий максимального использования его возможностей для ускорения победы над врагом, для возрождения Франции. Однако вследствие своего антикоммунизма “де Голль в своем отношении к движению Сопротивления далеко не всегда способен был подняться до уровня национальных интересов Франции”. По мнению Бронина, де Голль в качестве главы Временного правительства способствовал сохранению капиталистического строя во Франции и в этом смысле поставленная им стратегическая цель была достигнута (автореф., с. 28, 35, 38).

В заключительной главе диссертации Бронин рассмотрел период от отставки де Голля с поста главы Временного правительства в начале 1946 г. и до его повторного возвращения к власти в начале лета 1958 г. Довольно критически автор подошел и к анализу деятельности де Голля в период Четвертой республики, совпавший по времени с начальным этапом “холодной войны”. Он, в частности, сделал следующее обобщение: «Если в действиях де Голля вообще наблюдается сочетание в разной форме национализма и антикоммунизма, то в атмосфере “холодной войны” антикоммунистическое начало становится настолько доминирующим, что национализм глушится раскатами яростного антисоветизма» (автореф., с. 41).

С середины 1952 г., по мнению Бронина, начинает определяться процесс отхода де Голля от проамериканского курса. Почему произошла такая переоценка, по содержанию данной работы определить довольно трудно. Среди причин развала голлистской партии РПФ¹⁶ специально выделена одна: “антисоветски-проамериканский курс внешней политики” (автореф., с. 43–44).

Особый интерес представляет заключительный раздел исследования. Если в диссертации внешняя политика Франции периода Пятой республики затронута обзорно по отдельным вопросам в заключении (франко-западногерманское сотрудничество, истоки антиамериканских тенденций, значение выхода Франции из военной организации НАТО и причины поворота де Голля в сторону сближения с СССР) (дисс., с. 445–481а), то в Бюллетене этому важнейшему отрезку истории Франции уделена целая глава. Здесь речь идет не о собственно де Голле и его политической биографии, а о внешнеполитическом курсе Франции вплоть до ухода генерала в отставку в апреле 1969 г.

«Де Голль пришел к власти, – подчеркивал автор, – при помощи алжирских “ультра” и других объединенных с ними крайне реакционных элементов» (Бюллетень, с. 135–136). Затем де Голль, писал Бронин, сильно укрепил свои позиции, разрешив “алжирский вопрос” на иной основе, нежели предлагали “ультра”, и подавив попытки противодействия с их стороны.

Далее в исследовании были проанализированы основные направления внешней политики Франции в отношении трех государств – США, ФРГ и СССР. Еще в дис-

¹⁶ Русское название – Объединение французского народа. Было образовано сторонниками де Голля в 1947 г.

сертации Бронин пришел к выводу, что именно отношения с этими государствами находились в центре внимания де Голля. А отношения с Англией, наоборот, рассматривались французским лидером как второстепенные, поскольку на опыте военных и послевоенных лет он убедился в устойчивости проамериканской направленности английской внешней политики, ограничивавшей свободу маневра Англии в европейских делах (дисс., с. 449).

По мнению автора, до появления оси “Париж – Бонн” в начале 1960-х годов на разных этапах внешней политики де Голля существовало какое-то центральное направление, связанное с определенной страной: последовательно это были Советский Союз (недолго), потом США и ФРГ. Теперь же положение изменилось. После разочаровывающих итогов союза с ФРГ для внешней политики де Голля характерным становится не одно доминирующее направление, связанное с определенной страной, а “*полицен-тристское* развитие”, т.е. развитие внешнеполитической активности по ряду направлений, по каналам отношений с рядом государств. Причем такой ход развития, считал Бронин, отчасти являлся результатом сознательной воли де Голля, а отчасти являлся следствием противоречивости, эклектичности его внешней политики, колебавшейся между национализмом и антикоммунизмом (автореф., с. 47; Бюллетень, с. 156–157).

По мнению автора, “в происходящей всемирной борьбе между двумя лагерями, между двумя противоположными линиями в международной политике де Голль, сохраняя “атлантическую верность”, пытается проводить, особенно в европейских делах, какую-то разновидность третьей линии”. Такая политика, по его мнению, была обречена на неудачу, поскольку “у Франции нет необходимого военно-экономического потенциала, который сделал бы такую политику длительно реальной”. А личные качества и авторитет лидера Пятой республики, “которым он с течением времени, видимо, начнет придавать всё более преувеличенное значение, никак не могут заменить этот потенциал (автореф., с. 54–55).

В качестве факторов притяжения Франции и ФРГ Бронин выделил четыре: экономические связи; переплетение интересов франко-западногерманских монополий; вопрос о западноевропейской группировке держав, единственной реальной базой которой могут быть Франция и ФРГ; реакционная политика режима ФРГ (дисс., с. 452–454). “Отталкивающих” факторов было названо три: реваншизм правительства ФРГ; боязнь нарастания мощи ФРГ; проамериканская ориентация западногерманской внешней политики (дисс., с. 455–456).

Причин поворота в сторону СССР выделялось также три: преодоление изоляции в результате сближения с ФРГ; укрепление положения перед лицом США; создание противовеса с перспективой сближения ФРГ и США (дисс., с. 475).

При этом де Голль, считал автор, придерживаясь принципов “атлантической верности”, пошел на “тактическое соглашение” с Советским Союзом, что могло бы при благоприятных условиях на международной арене стать “важным и длительным фактором международной обстановки”. Но диапазон и эффективность этих принципов “будут в конечном счете лимитироваться антикоммунистической стратегией де Голля” (дисс., с. 481а). После ухода де Голля с политической арены, считал автор, они будут сокращаться из-за сближения Франции с США, но их общий высокий уровень останется прежним вопреки “антисоветскому нажиму, который будет оказываться на Францию со стороны США и ФРГ” (Бюллетень, с. 186).

Что касается главной опасности Франции со стороны мировых держав, то за период между написанием диссертации и выходом работы в Бюллетене, автор по этому вопросу внес коррективы. В диссертации, в частности, утверждалось, что “франко-американские противоречия – наиболее яркое... проявление межимпериалистических противоречий на современном этапе” (автореф., с. 48), а в Бюллетене вывод был уже скорректирован. На вопрос, является ли перспектива улучшения франко-американских отношений реальной, Бронин дал утвердительный ответ. Более того, отмечал автор, “угроза независимости Франции в настоящее время исходит более из ФРГ, чем от США” (Бюллетень, с. 161–162), а франко-западногерманские противоречия “все

явственнее *принимают характер межимпериалистических противоречий в лагере западноевропейских государств*” (Бюллетень, с. 184–185).

В работе довольно подробно были охарактеризованы советско-французские отношения, которые, по мнению Бронина, “могли бы при благоприятных условиях стать важным фактором международной обстановки, но их диапазон и эффективность будут, в конечном счете, лимитироваться антикоммунистической стратегией де Голля” (дисс., с. 481а; Бюллетень, с. 156).

Что касается азиатско-африканского региона, в частности, Индокитая и Ближнего Востока, данная проблема вообще выпала из поля зрения Бронина, как и у многих других советских исследователей того времени¹⁷.

Общая критическая направленность исследования о де Голле не позволила автору увидеть ряд весьма важных и позитивных моментов международной политики французского президента. Особенно это касалось природы франко-американских противоречий на международной арене, ярко проявившихся после окончания войны в Алжире в оценках событий в Индокитае и на Ближнем Востоке. Для автора все свелось к главному тезису: “Франко-американские противоречия – *наиболее яркое, пожалуй, проявление межимпериалистических противоречий на современном этапе*” (автореф., с. 48).

Поражение де Голля на референдуме в апреле 1969 г. было оценено как “прямое следствие его реакционной внутренней политики”, но отнюдь не как недовольство французов голлистской внешней политикой, “пользовавшейся широкой поддержкой населения” (автореф., с. 167–168).

В настоящее время, писал далее Бронин, “франко-западногерманские противоречия все явственнее приобретают характер межимпериалистических противоречий в лагере западноевропейских государств” и “нет оснований ожидать каких-либо существенных изменений в состоянии франко-советских отношений”, а “сближение между Францией и США может иметь последствием известное уменьшение удельного веса франко-советских отношений в общей внешней политике Франции” (автореф., с. 184–185, 186).

Общий вывод, сделанный автором в варианте Бюллетеня, был дан в следующей формулировке: “При новом президенте в общем и целом сохраняются основы внешней политики де Голля, в которой, однако, в самое последнее время наметилась определенная прозападная ориентация. Эта эволюция будет интенсифицироваться при Помпиду. В целом надо ожидать дальнейшего изменения внешнеполитического курса Франции по сравнению с политикой де Голля за 1965–1968 гг. в указанной прозападной направленности при сохранении, однако, хороших отношений с Советским Союзом, вопреки антисоветскому нажиму, который будет оказываться на Францию со стороны США и ФРГ” (Бюллетень, с. 186).

Таковы основные положения первого отечественного исследования политической биографии Шарля де Голля. Сегодня, с высоты прошедших лет, проще всего давать критическую оценку таких высказываний, как “нам необходимо изучать деятельность крупных политиков империалистического мира для анализа *противоречий между отдельными капиталистическими государствами или группами государств*” (дисс., с. 6) или о том, что в “гигантской исторической борьбе за переход от капитализма к социализму, которую ведет пролетариат, огромное значение для него имеет *знание*

¹⁷ Что касается индокитайского направления внешней политики Франции послевоенного периода, то с 1967 г. в ИМЭМО эту проблему специально изучал другой аспирант Ю.И. Рубинского, П.П. Черкасов. В 1971 г. он защитил по данной проблематике кандидатскую диссертацию, а в 1976 г. опубликовал монографию. Если же говорить о ближневосточном направлении, “особую”, отличную от США позицию де Голль озвучил лишь летом 1967 г., когда, по всей видимости, Я.Г. Бронин уже завершил написание текста диссертации. Подробную характеристику этого направления внешней политики Франции дал спустя несколько лет в своей диссертации другой сотрудник ИМЭМО, И.А. Колосков.

противника” (дисс., с. 5). Без таких тезисов практически не обходилась ни одна работа, причем, судя по всему, со стороны Бронина они были вполне искренними и осознанными.

На наш взгляд, руководство СССР понимало, что в условиях улучшения советско-французских отношений не надо было лишний раз демонстрировать истинное отношение Москвы к таким политикам, как Ш. де Голль. Поэтому, как бы ни хотел Бронин, чтобы его труд был издан для массового читателя, но обстоятельства складывались явно не в его пользу¹⁸.

Небольшую часть материалов диссертации Бронину удалось опубликовать в виде научной статьи¹⁹. Более удачливой оказалась профессор МГИМО В.И. Антюхина-Московченко, очерк которой, также содержавший критику де Голля и проводимой им политики, вскоре после смерти первого президента Пятой республики был опубликован в нескольких номерах журнала “Новая и новейшая история”²⁰. Но всё же “канонической” для советской и постсоветской отечественной историографии стала книга Н.Н. Молчанова “Генерал де Голль”, которая вышла в издательстве “Мысль” в 1972 г.²¹

В 1970 – начале 1980-х годов Я.Г. Бронин много занимался проблемами международных отношений в регионе Средиземноморья, опубликовал по данной проблеме обобщающую монографию²².

Скончался Яков Григорьевич в сентябре 1984 г. в Москве и был похоронен с воинскими почестями на Кунцевском кладбище. Там же, спустя 15 лет, упокоилась его супруга. Публикации о них как разведчиках-нелегалах, порой весьма противоречивые и неоднозначные, стали появляться с конца 1990-х годов²³.

После выхода в 2000 г. ранее засекреченных документов по “делу Зорге”²⁴ некоторыми российскими публицистами, на основании донесений Бронина из Китая в Москву, был сделан весьма поспешный вывод о том, что осенью 1934 г. тот якобы написал на Зорге “политический донос”. А один из “аналитиков” даже “додумался” до того, что из-за этого “письма-доноса” И.В. Сталин отказался возвращать Р. Зорге из Японии в Советский Союз²⁵. Вряд ли “вождь народов” читал это послание из Китая, а если даже бегло просматривал, то вряд ли оно как-то могло повлиять на его решение.

¹⁸ Хотя на французском направлении прецеденты были. Например, упоминавшийся нами выше И.А. Колосков в 1972 г. в закрытом порядке защитил в ИМЭМО диссертацию по истории внешней политики Франции периода Пятой республики, а спустя четыре года она была опубликована в виде монографии и несколько в иной редакции тиражом 4150 экз. издательством “Наука”: *Колосков И.А. Внешняя политика Пятой республики. М., 1976.*

¹⁹ См. *Бронин Я.Г. К социально-политической характеристике голлизма. – Мировая экономика и международные отношения, 1970, № 3.* По свидетельству П.П. Черкасова, Я.Г. Бронин долго и безуспешно пытался найти издателя для своей книги (*Черкасов П.П. Указ. соч., с. 321*).

²⁰ *Антюхина-Московченко В.И. Шарль де Голль (1890–1970). – Новая и новейшая история, 1971, № 3–6.* В отечественной историографии долгое время именно эта публикация считалась первой отечественной биографией Ш. де Голля. Расширенный вариант этой работы увидел свет лишь в 1990 г.

²¹ В 1963 г. Н.Н. Молчанов, который был на 25 лет моложе Я.Г. Бронина, успешно защитил в ИМЭМО докторскую диссертацию по проблемам истории внешней политики Франции 1944–1958 гг.

²² *Бронин Я.Г. Политика империалистических держав в районе Средиземноморья. М., 1984.*

²³ О диссертации Я.Г. Бронина как первой политической биографии де Голля в отечественной историографии автор настоящей статьи сообщил в докладе на научной конференции в Казани еще в 1993 г. Но в то время сложно было представить, кто такой был на самом деле Я.Г. Бронин и какими мотивами он мог руководствоваться, приступая к написанию своего произведения.

²⁴ Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. М., 2000, с. 12.

²⁵ <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid-50&tek-4435&issue-127>.

Внимательное ознакомление с текстом “доноса” всего лишь подтверждает то, о чем мы писали выше: Бронин являл собой не часто встречавшийся даже в советские времена тип “твердокаменного” марксиста-ленинца, поэтому и сообщал со свойственным ему догматизмом вышестоящему начальству (скорее всего, все тому же Я.К. Берзину, которого считал своим единомышленником) о несогласии с трактовками Р. Зорге политики Коминтерна. И в данном случае не следует путать проявление принципиальности, пусть даже и в такой прямолинейной форме с доносом. Тем более на дворе была еще осень 1934 г., а не 1937-й.

В тот период и много позднее Бронин, по свидетельству близких ему людей²⁶, даже свою супругу обвинял в недостаточной “революционности”, а что говорить о весьма экстравагантном Зорге, высказывания и поведение которого (и не только в личной жизни) иногда просто шокировали его коллег.

Что касается “положительных” воспоминаний о Зорге, написанных спустя три десятилетия, то это говорит скорее не о “цинизме” и “двуличии” Бронина, а о его дисциплинированности как партийца: партия сделала из Зорге героя-разведчика, значит он, сталкивавшийся с ним по работе и оценивавший его деятельность весьма неоднозначно, теперь должен писать о нем только в хвалебном тоне, не давая недругам лишнего повода усомниться в правильности партийных трактовок прошлого.

На наш взгляд, Яков Григорьевич Бронин являлся достойным гражданином своей Родины, оставившим заметный след и в истории советской военной разведки и на научном поприще; ученым, своими публикациями положившим начало развитию в Советском Союзе такого направления, как “деголлеведение”²⁷.

²⁶ В 2004 г. весьма содержательное литературно-публицистическое исследование о жизни и судьбе своих родителей написал Самуил (Семен) Бронин, известный московский врач, член Союза журналистов России (*Бронин С.Я. История моей матери.* М., 2004). В 2013 г., к 100-летию Р. Марсо, о ней появилась статья, в которой очень точно дана оценка чете Брониных: “Эта супружеская пара прожила непростую и драматическую жизнь. Оба они любили свои исторические корни – Латвию и Францию, хотя служили верой и правдой Советскому Союзу. Никого не предали, не подставили, обходились в быту малым. И унесли с собой немало государственных тайн” (*Христофоров В. Русская француженка Рене Марсо.* – Медицинская газета, 26.VII.2013).

²⁷ Сам Я.Г. Бронин критически относился к этому термину, считая его атрибутом “буржуазной литературы”. См. Бюллетень, с. 2.